

Нуржанов А.А. О христианском наследии в культуре Средней Азии и Казахстана // Религия в истории народов России и Центральной Азии: мат. Всерос. с междунар. участием конф., посвящ. 10-летию кафедры религиоведения и теологии АлтГУ. Барнаул, 2011.

Орынбеков М.С. Генезис религиозности в Казахстане. Алматы, 2005. 201 с. После Марко Поло. М., 1986. 429 с.

Путешествие в Восточные страны Платона Карпини и Гильома де Рубрика. Алма-Ата, 1993. 423 с.

Ремпель Л.И. Некрополь древнего Тараза // КСИИМК. 1957. Вып. 69.

Свеницкая И.С. Раннее христианство: страницы истории. М., 1987. 311 с.

Смагулов Е. Арабское нашествие на Южный Казахстан: данные письменных и археологических источников // Мобилизованной археологией. Астана, 2004. 271 с.

Смагулов Е.А. Городище Культобе // Свод памятников истории и культуры Казахстана. Южно-Казахстанская область. Алматы, 1994. 178 с.

Смагулов Е.А., Григорьев Ф.П. Из домонгольской истории г. Туркестана // Известия МН – АН РК. 1996. №2.

Ставиский Б.Я. Буддизм в Средней Азии // Буддизм: словарь. М., 1992. 219 с.

Ставиский Б.Я. Некоторые вопросы буддизма в Средней Азии (из итогов раскопок Кара-тепе – буддийского пещерного монастыря в Старом Термезе) // Доклады по этнографии / Географическое общество СССР. Отделение этнографии. М., 1965. Вып. 1(4).

Hillenbrand R. Islamic Architectur. New York, 1994. (на англ. яз.).

Н.И. Рыбаков

Петровская академия наук и искусств, Красноярск

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

О РЕЛИГИИ КЫРГЫЗОВ ЕНИСЕЯ: VIII–X вв.

Рассматриваются две версии первого прихода миссионеров на Енисей во второй половине VIII в. Памятники, о которых идет речь, открыты финской экспедицией в 1887 г. *Версия 1.* Тибето-енисейские торговые и дипломатические контакты этого периода. Предполагаемые пути продвижения миссионеров со стороны Тибета через территорию карлуков. *Версия 2.* Приход проповедников из государства древних уйгуров в последнюю четверть VIII в.

Ключевые слова: *средневековье, ранний ламаизм, Падмасамбхава, Маудгальяна.*

По мере изучения памятников иконографии на территории северных районов современной Хакасии, разбросанных в междуречье двух одноименных рек Июсов, имеющих отношение к пришлым эле-

ментам чужеродных культов по месту средневековых стоянок кыргызской администрации, стало возможным дать краткие выводы о вероисповедании кыргызов. Никаких хроникальных сведений об этом феномене, кроме камнеграфических источников, до нас не дошло. Китайские хроники умалчивают о фактах продвижения несториан, буддистов или других религиозных сообществ на Енисей. В том же срезе «умалчивания» находятся рунические тексты Енисея. В силу известной специфики они не констатируют свидетельств и фактов исторического значения по этому явлению. Касательно изобразительных конфирмаций Июсской иконографии, включающих изображения длиннополых персонажей (открытие финской экспедиции 1887 г.; см.: Appelgren-Kivalo H., 1931, abb. 98; abb. 99–102; абб. 303–307), на сегодняшний день им нет аналогов или таковые не известны. Лишь только косвенно наблюдаются в связи с этим некоторые сближения с отдельными памятниками коллекции Турфанской манихейской иконографии, что говорит о енисейской группе памятников как отдельном явлении.

Однако мы пользуемся накопленным материалом исторических фактов и огромной базой по сложным вопросам религии и религиозных преобразований, в первую очередь, самого ближнего соседа эпохи кыргызов – государства древних уйгуров. Известно, что на уйгуров за всю их историю до кыргызской экспансии 840 г. оказывали влияние в большей или меньшей степени несколько религиозных конфессий: шаманизм, буддизм, манихейство и, возможно, несторианство. Единовременная проповедническая миссия этих религий не могла не способствовать развитию синкретических версий в границах одного государства.

Кроме того, в последнюю четверть XX в. началось изучение материалов Тибето-Туркестанского религиозного взаимовлияния периода расширения тибетских завоеваний в пределах Центральной Азии второй половины VIII в. Тибетские завоевания отключили Китай от прямого контакта с Западом: с 763 г. до конца династии Тан Китай больше не был основным фактором в центрально-азиатской истории. После похода уйгуров на Енисей (758 г.) и разгрома кыргызов последние все же сохраняли известную автономность и цементировали дружбу с соседними народами, придя к соглашению с карлуками, тибетцами и арабами относительно международной торговли и коммуникаций, в то время как контакты их с Поднебесной прекратились до 842 г. Это соглашение предусматривало безопасность для тех, кто занимался торговлей между Тибетом и арабским халифатом, кто имел отношение к странствию через земли карлуков: торговый путь пролегал от Центрального Тибета, через восточные территории Джунгарии,

северные склоны Тянь-Шаня на Иссык-Куль. На территории карлуков к караванам присоединялись кыргызские эскорты, которые защищали их от уйгурских притеснений. Арабы доставляли товары через Иссык-Куль на Енисей раз в три года, но в периоды мирных соглашений торговые караваны шли на север через Бешбалык и Карабалгасун и далее – через горы Кегмен на Енисей. Кыргызы покупали необычную одежду для своих женщин и другие товары из стран бассейна Тарима, Джунгарии и Аравии.

Особенно активный период тибетско-кыргызских связей приходится на последнее десятилетие VIII – начало IX в., после успешных действий тибетских войск в Центральной Азии (Beckwith Chr. I., 1987, с. 147). К этой исторической справке показательно сообщение из надписи Чакул в переводе В. Радлова: «Ради доблести я ходил к тибетскому хану, в качестве посла ходил и приводил». В той же связи текст Алтын-кель, где сказано об умершем, который в «четырёх углах света был», предположительно отражает свидетельства китайской истории о торговых и дипломатических связях кыргызов и тибетцев (Бернштам А., 1946, с. 168). Не исключено, что через этот путь могли проходить и миссионерские группы. Как правило, где проходили караваны купцов, там же шли проповедники, более того – купец и проповедник могли быть в одном лице.

Главное влиятельное лицо тибетской религиозной истории Падмасамбхава, приглашенный царем Khi-srong lde-btsan (VIII–IX вв.), основоположник ранней секты ньингмапа, по некоторым сведениям, был вдохновлен манихейством: он заимствовал некоторые догматы из манихейства, например пентады, принятые боном и буддизмом (Hoffman H., 1986, с. 160). Более того, ересь Шестого Далай-ламы, подверженного влиянию секретных тенденций позднего Падмасамбхавы, находит отголоски со своего рода манихейскими инфильтрациями в учении Ньингмапа в виде тантрического сексуального волшебства (Houston G.W., 1982). Но важно подчеркнуть, что Падмасамбхава использовал гибкий принцип подчинения местных божеств и включения их в огромный расширенный пантеон ламаизма. Такие же методы обращения различных религиозных представлений поразительно напоминают действия манихеев на всем пути их следования по торговым артериям Центральной Азии. Манихеи, чтобы модифицировать ядро их доктрины, религиозные понятия и имена богов, которые им были необходимы для изображения своего большого мифа, изымали местные понятия в мифологии народов и религиозных общин, которые в конце концов были использованы ими в своей проповеди

(Hoffman H., 1956, с. 48). Любопытен факт критики на манихейство в китайских документах VIII в.: в Указе императора от 732 г. манихейство было подвергнуто осуждению за то, что присвоило догматы буддизма и «изображало из себя буддистов» (Uray G., 1983, с. 411). Сближение манихейства, конфуцианства и даосизма в Китае, манихейства и монашеского буддизма в северо-монгольских степях, по некоторым редким сообщениям – манихейства и тибетской религии бон и, наконец, распространение обаяния манихейства на шаманские культуры кочевых племен Саяно-Алтая и степного окружения монгольских степей составляют яркую картину религиозных сововлечений и фактов, которые составляют многослойный синкретизм сектантских идей в центральноазиатской истории.

В силу принудительного давления со стороны враждебных идеологий некоторые объединения носили конфиденциальный характер. Достаточно сказать, что кыргызская средневековая история до сих пор покрыта тайной в отношении контактов кыргызской администрации на Ююсах (север Хакасии) с пришлыми миссионерами в длиннополых мантиях. По новым материалам (рис. 1.-2) касательно средневековых памятников Ошкольской степи (Подкамень: Appelgren-Kivalo H., 1931, abb. 100, с. 20) один из персонажей, изображенный на плите (плита вывезена Л.Р. Кызласовым в 1979 г., в запасники Эрмитажа), под мышкой которого трехсоставной жезл, отождествляется с образом (рис. 1.-1–3) бодхисаттвы Маудгальяны (Рыбаков Н.И., 2013, с. 148, рис. 1). Маудгальяна (кит. *Мулянь*, монг. *Молон-Тойн*) второй ученик Шакьямуни, известный в Китае в простонародной литературе с IV в. н.э. под именем Мулянь (Баоцзуань о трех воплощениях Муляня). Начало популярности произведения приходится на VIII–X вв. (Березкин Р.В., 2012, с. 60, 103). (Позднее этот святой приобрел значительную популярность в Монголии, здесь он назывался Молон-Тойн.) Это время раннего или так называемого примитивного ламаизма. Однако, согласно буддийским хроникам Тибета и Китая и сообщений о монашеской истории Монголии периода развитого ламаизма (XVI в.), образ этого святого поводыря вдохновлял продвижения адептов ламаизма, пройдя длинный путь до северо-монгольских территорий. Примитивный ламаизм может быть определен как священническая смесь мистики шиваизма, волшебства и индо-тибетского поклонения дьяволу, «наложенного тонким лаком на тантрический буддизм Махаяны» (Waddel L.A., 1964, с. 30). На путях Тибет–Монголия буддизм приобретает дополнительно напластования динамических шаманистских структур, включая изначальное искусство волхования тибетской народной религии бон.

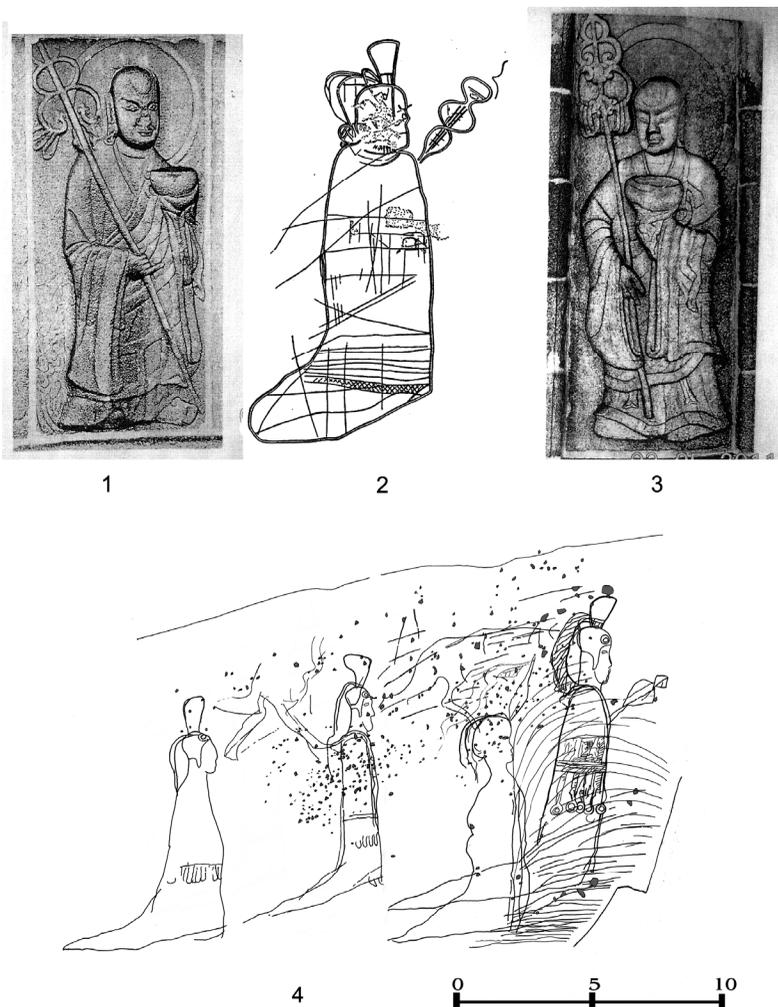

Рис. 1. 1–3 – Бодхисаттва Маудгальяна – барельефы пагоды Чжуан-Чоу. Китай (по: Demieville P., 1935, p. 75, 14E); 2 – персонаж с ваджрой. Подкамень (по: Appelgren-Kivalo N., 1931, p. 58, abb. 304–308); 4 – четыре фигуры. Барстаг, левый берег Белого Юса (материалы автора)

Пока мы не знаем через посредство и взаимовлияние каких конфессий и группировок пройден этот путь, но на сегодняшний день можно высказать ряд предположений. В последнее десятилетие про-

шлого века большой интерес вызвали согдийские граффити, обнаруженные в верховьях Инда в Северном Пакистане, которые связывают с торговыми путями между Согдом и Тибетом, начиная с IV в. Но наличие многочисленных надписей и наскальных изображений в районе Дрангтсе (Танксе) в 25 км к западу от оз. Пангконг иллюстрирует миссионерские контакты представителей мировых религий: буддизма, христианства и манихейства (VIII–IX вв.) (Симс-Вильямс Н., 1995, с. 66; Uraj G., 1983, с. 400).

Автор придерживается двух версий в отношении начала проповеднической деятельности в районе северной тупиковой ветви торговых путей – юг Сибири (Междуречье Ююсов, Северная Хакасия) по месту ставки кыргызской администрации, местонахождение которой подтверждают специфические памятники петрографики, локализованные здесь же (открытие финской экспедиции 1878 г.).

Версия 1. Одним из критериев свободного перемещения миссионеров мировых религий манихейства и несторианства по направлению Согд–Тибет явились открывшиеся торговые пути, относительно безопасные, между Тибетом и западными регионами Центральной Азии в конце VIII в., благодаря усилению Тибетской державы и активным участием ее в управлении континентальной торговлей и управлением некоторыми самыми важными торговыми маршрутами. На этих маршрутах согдийские торговцы, а часть их была обращена в манихейскую и христианскую веру, тут и там могли распространять проповедь среди местного населения. Более того, согдийские купцы нашли свой путь внутри Тибета и, по-видимому, установили там торговые колонии. По новейшим материалам есть доказательства того, что королевский двор последней четверти VIII столетия был знаком и с манихейством, и с христианством (подробно см.: Uraj G., 1983, с. 421).

Надо полагать, что в этот же отрезок времени посольства от кыргызов с Енисея до Тибета двигались по открытым маршрутам через земли карлукской конфедерации, попадая на согдийские караванные пути, где следы встречаются из Бактрии, Памира и западного бассейна Тарима в Индию и Центральный Тибет. Вероятно, здесь были подхвачены идеи манихейской проповеди и, вполне вероятно, по этим маршрутам могли пройти на Енисей синкретики-манихеи, одетые в гибридные наряды. Возможно, толчком тибетского истока послужили события, связанные с так называемым диспутом в среде религиозных партий Тибета (792–794 гг.). Источники сообщают, что бонский жрец Танг-наг бан-по выступал как оппонент Падмасамбхавы, а Шангри-бучан – как оппонент Шантиракшиты. Дискуссия закончилась победой буддистов, после чего исповедание бон объявили

ересью, а китайских приверженцев школы чань отстранили и вытеснили в Китай. Какая-то часть бонцев-сваптиков эмигрировала в сторону окраин Тибета или ушла в Монголию (Арутюнов С.А., Жуковская Н.Л., 1973, с. 13; Иванова В.А., 2011, с. 48; Hoffman H., 1986, с. 239).

Где сформировался облик енисейского миссионера, отвечающего требованиям трех культов: манихейского, раннебуддийского и шаманистского, мы не знаем – дело будущих исследований. Все эти составляющие имеют ряд особенностей и характеристик. Из новых материалов: (рис. 1.-4) памятник (Барстаг) (Рыбаков Н.И., 2007, с. 101–106). Шествующий первым священнослужителем в комбинированном наряде религиозных синкретических преобразований несет под тиарой прядь волос, свисающую по затылку, скрученную против часовой стрелки, что недвусмысленно напоминает принцип вращения бонской сваптики. На голове его манихейская тиара, на лбу – моносилабба ом, под мышкой – монашеский скипетр каккара, на мантии – подвески шаманской атрибутики и т.д. В целом полный набор вещественных символов, чтобы быть воспринятым, постижимым и уменьшить впечатление от его иностранного происхождения и вместе с тем – быть узнаваемым любым этническим сообществом юга Сибири, Саяно-Алтая, Туркестана, Тибета, Китая. Касательно длинных волос – эта деталь наряда характерна для адептов старой секты ньингмапа, основателем которой, как сказано выше, считается Падмасамбхава. Школа ньингмапа вобрала в свою доктрину идеи раннего буддизма, который в свою очередь заимствовал волшебство бонского шаманизма (Herzans M., 1965, с. 251). Что касается персонажа в образе Маудгальяяны [Подкамень], оказавшегося на Енисее, можно предположить, что он имеет происхождение тибетского истока, хотя и в не меньшей степени – китайского, периода примитивного ламаизма. Канонизированный святой, китайский Мулянь (Маудгальяяна), образ которого воспроизведен на плите (Подкамень) – убедительный пример не ранне-средневековых религиозных сближений, а более поздних контактов так называемого периода примитивного ламаизма (VIII–X вв.).

Версия 2. По фактам хроник Поднебесной известно, что несториане и манихеи после 845 г. императорским указом того же года были изгнаны из Китая (Аристов Н.А., 1897, с. 91). Вместе с тем на 83 года раньше (761–762) манихейские проповедники проникли в пределы Уйгурского государства при Бегю-кагане (759–779 гг.), где манихейство утвердилось как государственная религия (762 г.) (Klimkeit H.J., 1998, с. 271). Одной из версий начала манихейской проповеди на Енисее являются последствия кыргызской экспансии 840 г. в монгольские степи, т.е. принудительный привод проповедников на Июсы в качест-

ве военнопленных. Не следует отстранять и то, что первое знакомство манихейских проповедников с шаманскими культурами Енисея могло быть сопряжено с военным походом уйгурского правителя Элтмиш Бильге-кагана (747–759 гг.) ранее на семь десятков лет на Енисей (759 г.), в результате которого древнекааскому правителю пришлось признать свою вассальную зависимость и принять особый, понижающий его достоинство титул: Бильге (Тун)-Иркин. В 779 г. в Ордубалыке произошел антиманихейский переворот. Правление захватил Алп Кутлуг Бильге Каган (779–789 гг.). Манихейская вера была запрещена (все адепты двух конфессий, буддийской и манихейской, были изгнаны) и восстановлена только через 16 лет – в 795 г. На смену им было принято несторианство, которое в свою очередь сменилось приоритетным буддизмом и затухающим манихейством. Все эти временные отрезки событий северных регионов Центральной Азии характерны принудительными гонениями на манихеев. Период последней четверти VIII в., как предполагаемое время первого прихода проповедников на Енисей или их насильное перемещение, наиболее, вероятно, согласуется с реальными историческими обстоятельствами.

N.I. Rybakov

ADDITIONAL MATERIALS ON RELIGION OF THE YENISEJ KYRGHIZS (VIII-X)

In the article, there are two versions of the first missionary visit to the Yenisej in the second half of the VIIIth century. The monuments which are mentioned were found by the Finnish expedition in 1878. Version 1. The Tibetan-Yeniseian trade and diplomatic contacts of that period of time. Version 2. A missionary visit to the Yenisei from the country of the ancient Uyghurs in the last quarter of the VIIIth century.

Key words: the Middle Ages, the Yenisei Kyrgyzs, early Lamaism, Padma-sambhava, Maudgalyayana.

Библиографический список

- Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. СПб., 1897. Вып. III–IV.
- Арутюнов Н.А., Жуковская Н.Л. Бон-синтоистские параллели // Мифология и верования народов Восточной и Южной Азии. Новосибирск. М., 1973.
- Березкин Р.В. Драгоценные свитки (баоцзыюань) в духовной культуре Китая: на примере «Баоцзуань о трех воплощениях Муляна». СПб., 2012.
- Бернштам А. Социально-экономический строй орхон-енисейских тюрок VI–VIII вв. М.; Л., 1946. 201 с.
- Иванова В.А. Религиозный и политический аспекты развития буддийской школы ньингма в Тибете в XVII–XVIII вв.: дис. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2011. 245 с.

Рыбаков Н.И. Иконографические свидетельства манихейства в памятниках Июсских степей // Изучение историко-культурного наследия народов Южной Сибири. Горно-Алтайск, 2007. Вып. 6. С. 101–106.

Рыбаков Н.И. Бодхисатва Маудгальяна в Июсских петроглифах // Древности Сибири и Центральной Азии. сб. науч. тр. / под ред. В.И. Соенова. Горно-Алтайск, 2013. №5(17).

Симс-Вильямс Н. Путешествие в Тибет: согдийские надписи Ладака // ВДИ. 1995. №2. С. 66.

Appelgren-Kivalo H. Alt-Altäische Kunstdenkmäler. Helsingfors, 1931.

Beckwith Chr. I. The Tibetan Empire in Central Asia: A history of the Struggle for Great Power among Tibetans, Turks, Arabs, and Chinese during the Early Middle Ages. New Jersey, 1987.

Demieville P. Ikonography and History // The twin pagodas of zayton // A study of later Buddhist sculpture in China. Cambridge, 1935.

Hermans M. Das national-epos der Tibeter Gling König Gesar. Redensburg, 1965.

Hoffman H. Die religion Tibets, Bon und Lamaismus. München, 1956.

Hoffmann H. Tibet a Handbook // Indiana University Oriental Series. Bloomington, Indiana, 1986. Vol. 5.

Houston G.W. Wings of the White Crane. Delhi; Varanasi; Patna, 1982.

Klimkeit H.J. Selected Studies // Heuser M., Klimkeit H.J. Studies in Manichaeism, Literature and Art. Brill. Leiden; Boston; Köln, 1998.

Uray Geza. Tibet's Connections with Nestorianism and Manichaeism in the 8th–10th Centuries // Contributions on Tibetan Language, History and Culture. Wien, 1983. Vol. 1.

Waddell A.M.B. The Buddhism of Tibet or Lamaism. Cambridge; London, 1964.

Ю.Б. Сериков

*Нижнетагильский государственный
социально-педагогический институт, Нижний Тагил*

МЕГАЛИТИЧЕСКИЕ КУЛЬТОВЫЕ ОБЪЕКТЫ ДРЕВНЕГО УРАЛА

Использование мегалитов в культовой практике древности широко известно на разных территориях. Урал – горная страна, поэтому и здесь различные скальные образования – горы, скалы, пещеры, отдельные камни и их скопления – часто служили объектами поклонения. Среди них особый интерес вызывают мегалитические объекты в виде отдельных скал, валунов и их скоплений как естественных, так и рукотворных. В последнее десятилетие на Урале выявлено использование в сакральных целях отдельных валунов (иногда антропоморфных или зооморфных очертаний), «чашечных» камней, «следовиков», менгиров, а также различных скальных образований. Новым видом культовых скальных памятников являются так называемые шиханы. Наибольший интерес вызывают культовые мегалиты Шайтанского озера (Свердловская